АРНОЛЬД МАРГОЛИН

УКРАИНА И ПОЛИТИКА АНТАНТЫ

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ И ГРАЖДАНИНА

УКРАИНСКИЙ ПАТРИОТ, ЭТНИЧЕСКИЙ ЕВРЕЙ, ЮРИСТ, ПРАВОЗАЩИТНИК, ПОЛИТИК, ДИПЛОМАТ, МЫСЛИТЕЛЬ

ФАКТЫ, ИЗЛАГАЕМЫЕ АВТОРОМ, ОСВЕЩАЮТ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ УКРАИНСКОГО И ЕВРЕЙСКОГО НАРОДОВ. УКРАИНСКИЕ ВЛАСТИ НЕ СМОГЛИ ОСТАНОВИТЬ СМЕРЧ ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ. НЕ ЗАХОТЕЛА УЧАСТВОВАТЬ В ЭТОМ И АНТАНТА. В РЕЗУЛЬТАТЕ СТРАНЫ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НЕ ПРИЗНАЛИ УКРАИНУ КАК ЕВРОПЕЙСКУЮ ДЕРЖАВУ

Арнольд Давидович Марголин
Украина и политика Антанты. Записки еврея и гражданина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21614952
Арнольд Марголин. Украина и политика Антанты. Записки еврея и гражданина: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-06596-4

Аннотация

Арнольд Марголин жил и действовал в эпоху страшных и необратимых перемен. Воцарение большевиков ознаменовалось полной отменой свободы устного и печатного слова, отменой всех видов свободного человеческого общения и передвижения. Разрушение транспорта, почтовых и телеграфных сообщений привело к тому, что огромное большинство населения страны оказалось разобщено между собой и отрезано от всего остального мира. Бесконтрольные атаманы на Украине взывали к темным инстинктам низов. Марголин всеми силами старался предотвратить вакханалию погромов. Петлюровское правительство явно не контролировало ситуацию на местах, французы закрыли глаза на бесчинства. Будучи живым очевидцем еврейских погромов, Марголин тем не менее, будучи настоящим патриотом, выступал в Европе как адвокат Украины. Однако

надежды на скорое возрождение независимой Украины вскоре угасли.

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Синагога. Русский язык. Украинская деревня. Погромы и их отражение в еврейской психике 10
Глава 2. Выборы в I Государственную думу. Украинское крестьянство. И. Л. Шраг. Начало реакции. «Киевские отклики» 20
Глава 3. Дубенский комитет обороны евреев от погромов. Апогей столыпинской реакции. Дело Бейлиса 28
Глава 4. Начало второй революции. Июньские съезды. Федерация и национальный вопрос. Роковое наступление 37
Глава 5. Выборы в Учредительное собрание. Рост украинского национального самосознания. Разгон Учредительного собрания 45
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Арнольд Марголин
Украина и политика Антанты. Записки еврея и гражданина

Памяти М. Е. Мандельштама и И. Л. Шрага

© «Центрполиграф», 2016
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

Предисловие

Библейское сказание о Вавилонской башне сохраняет свой поучительный смысл и для настоящих дней. Когда люди перестают понимать друг друга, когда у них нет общего языка, совместная жизнь этих людей в пределах одного государства, одного человеческого общежития и их совместная творческая работа становятся невозможными.

Для взаимного же понимания необходимо прежде всего *общение* людей между собою.

Столь же необходимо близкое общение между различными партийными, классовыми и национальными группами, связанными совместною государственною жизнью, будь то в пределах Сан-Марино или огромнейшей Английской империи, в Швейцарской конфедерации, в Палестине или на поверхности всего земного шара, в пределах воображаемого будущего союзного государства народов всех пяти частей света.

Вторая русская революция и вся последовавшая за войною эпоха развала Российского государства и всевозможных попыток воссоздания на его месте одного или нескольких новых государственных образований прошла под знаком выявления социального и национального максимализма со стороны отдельных групп и народностей. С другой стороны, те, кто мечтал и мечтает о полном возврате к былому, минув-

шему, проявили такой же максимализм в слепом непонимании значения всего свершившегося.

При таких условиях не могло быть и речи о каком-либо общем языке. Бесчисленное количество партийных и национальных группировок, образовавшихся в течение последних 15 лет на всем протяжении Российского государства, их разнообразная структура – все это вело к тому, что каждая группа жила своею, замкнутою жизнью. Усиленное же развитие такой *легальной кружковщины* могло привести лишь к углублению того развала всех устоев государственности и общежития, который явился для Российского государства ближайшим результатом мировой войны. Наряду с параличом государственного организма и общественные силы оказались распыленными на множество разрозненных ячеек. Замкнувшись в свою национальную или партийную скорлупу, люди не знали, что происходит тут же, рядом – иногда в том же городе и даже в том же доме – в национальной или партийной жизни других народностей или другой политической организации.

Воцарение большевиков ознаменовалось полной отменой свободы устного и печатного слова, отменой всех видов свободного человеческого общения и передвижения. Расстройство транспорта, почтовых и телеграфных сообщений привело к тому, что огромное большинство населения одной шестой части земного шара в конце концов оказалось в состоянии полного разобщения между собою и отрезанности от

всего остального мира.

При таком безбрежном хаосе произвола и анархии, при столь безграничной неосведомленности обо всем происшедшем и сейчас происходящем нет и не может быть почвы для окончательных выводов и оценки эпохи правящего большевизма и всех смежных, параллельных с ним явлений. Для суда истории в этой плоскости время еще не настало.

Но зато следует спешить с собиранием фактического материала, с опросом свидетелей и очевидцев о том, что каждому из них привелось узнать и увидеть. Те же, кто сам принимал активное участие в политической и общественной жизни последних лет, даже обязаны запечатлеть все то, что им известно в качестве материалов для освещения эпохи второй русской революции, национального движения среди отдельных народностей и вообще всех многообразных явлений последнего времени.

Автор настоящих записок стоит близко к украинскому движению начиная с осени 1917 года. В июне 1918 года он вступает в ряды украинской партии социал-федералистов. Но еще задолго до второй революции автор был в близких дружеских отношениях с целым рядом украинских общественных и политических деятелей, многие из коих сыграли впоследствии значительную роль в судьбе Украины. Будучи одним из основателей Еврейской территориалистской[1] организации в России (1906), автор считал своим долгом соче-

---

[1] **Территориализм** – еврейское общественное движение начала XX века.

тать свою работу в направлении создания еврейского автономного государства с активным участием в русском освободительном движении, а после распадения России – в украинском национально-государственном строительстве.

В такого рода сочетании, в таком синтезе национального долга еврея пред своим родным народом и его гражданского долга в отношении государства, в котором он фактически живет и пользуется гражданскими правами, автор видит гармоническое выявление сущности современного еврейства.

Настоящая книга имеет своею целью изложение фактов, известных автору и могущих послужить для освещения взаимоотношений, которые наблюдались между украинским и еврейским народами в последние годы. В связи с этой задачей дается попутно общая характеристика некоторых основных моментов украинского движения, украинской интеллигенции и наиболее видных политических деятелей.

Прямое, непосредственное участие автора в переговорах представителей украинского движения с целым рядом политических и общественных деятелей держав Антанты в Париже и Лондоне дало ему возможность близко ознакомиться с общим направлением политики Антанты в отношении Восточной Европы.

Bernburg a. S., июль 1921 г.

Глава 1. Синагога. Русский язык. Украинская деревня. Погромы и их отражение в еврейской психике

Как только мы касаемся вопросов жизненных, художественных, нравственных, где человек не только наблюдатель и следователь, а вместе с тем и участник, там мы находим физиологический предел, который очень трудно перейти с прежней кровью и прежним мозгом, не исключив из них следы колыбельных песен, родных полей и гор, обычаев и всего окружающего строя.
Герцен. Былое и думы

Погромы 1881 года вряд ли могли сохраниться в моей памяти. Мне было тогда всего четыре года. И если у меня все же запечатлелись какие-то смутные воспоминания детства о погромах, то это, вероятно, вызвано позднейшими рассказами о них в доме моих родителей, бывших очевидцами киевского погрома 1881 года.

Вообще же раннее детство мое прошло в патриархальной еврейской среде. В нашем доме свято соблюдались тогда требования еврейской религии. Это был настоящий «набожный дом». Отец часто брал меня с собою в синагогу. Кто из еврейских детей не сохранил навсегда в своей памяти тот синаго-

гальный двор или сад, где они встречались со своими сверстниками, играли во всевозможные игры, устраивали между собою всякие побоища и войны? И кто из нас не слышал в детстве бранных слов от христианских детей по адресу «жидов»?

Синагога оставила надолго свой след в моей душе. И даже теперь один внешний вид синагоги, как нечто конкретное и осязательное, роднит меня с моим народом больше, чем все учения и законы о персонально-национальной автономии. Увы, этих чувств уже не знают мои дети, которые родились и выросли при других условиях.

Родным языком моего детства был русский. И хотя в доме у нас говорили очень много и на разговорно-еврейском языке, но ко мне обращались всегда по-русски. Я привык думать и говорить по-русски, русский язык роднил меня с русской культурой.

Само слово «Украина» в среде, в которой я жил, являлось тогда пустым звуком. Было лишь понятие о хохлах, но не совсем точное. Оно связывалось с живым образом прислуги, деревенских баб, приносивших молоко, овощи и т. д. Хохол неправильно отождествлялся с мужиком и противопоставлялся кацапу, в образе грузчиков, плотников, продавцов кваса и представителей других отхожих промыслов из великороссийских губерний.

Зато с незапамятного времени у меня стало развиваться чувство страстной привязанности к родному городу Киеву

и к Днепру, а впоследствии – и к украинской деревне, с ее желтыми полями, соломенными крышами и вишневыми деревцами. Уже в гимназические годы я предпочитал жизнь в деревне всяким соблазнительным поездкам за границу и «на дачу». Некоторое время я брал уроки древнееврейского языка у известного еврейского публициста Вайсберга. Но от этого учения сохранилось в памяти, к сожалению, лишь знание азбуки и понимание смысла весьма немногих слов. Предметы гимназического преподавания, ассимилирующее влияние окружающей в гимназии обстановки, соблазн прогулок по диким откосам Царского сада и прекрасным окрестностям Киева, катанье на лодке – все это заполняло меня настолько, что я весьма рассеянно слушал уроки почтенного Вайсберга, навещавшего меня дважды или трижды в неделю. Засим наступила пора увлечения атеистическими началами, космополитическими принципами – и я вскоре после наступления 13-летнего религиозного совершеннолетия прекратил мои недолговременные занятия древнееврейским языком.

И все же образ покойника Вайсберга стоит предо мною и сегодня как живой. А рядом с ним выплывает образ покойного П. П. Чубинского, известного украинского деятеля, близкого друга нашей семьи в мои гимназические годы, побывавшего в ссылке за «хохломанство».

Так переплетались в моем сознании, а равно и в подсознательной сфере, все эти восприятия от трех различных миров. Еврейская среда, синагога, русский язык и русская шко-

ла, украинская деревня, украинская песня… И долго, мучительно долго метался я в исканиях синтеза всех этих восприятий и ощущений…

По окончании Киевского университета я прожил около двух лет за границей, где слушал лекции по философии и уголовному праву. По возвращении в Киев я посвятил себя практической адвокатской работе, главным образом по уголовным делам.

Поворотным моментом в моей адвокатской деятельности является мое участие, в качестве молодого стажера, в деле о гомельском погроме, разбиравшемся осенью 1904 года. С этого времени я принимал посильное участие в делах об еврейских погромах и в аграрных и политических процессах.

В чисто уголовных делах особенно характерными для украинского крестьянства являлись жестокие самосуды над конокрадами, а также тяжкие телесные повреждения, нередко кончавшиеся смертию, как месть за захват земли. Орудием этих диких расправ бывали чаще всего кол или оглобля, а иногда и вилы.

Зато среди физических виновников еврейских погромов, запятнавших себя позорнейшими убийствами и истязаниями, мучениями и изнасилованиями, в Кишиневе, Гомеле, Смеле, а также в бесчисленных городах и местечках юга России, по которым прошел погромный ураган октября 1905 года, были исключительно отбросы и преступные элементы городской накипи. Крестьяне же из соседних сел и деревень

являлись лишь для того, чтобы поживиться разграбленным товаром. Во время киевского погрома разгромили дотла и мою квартиру, хотя она и находилась в стороне от районов, подвергшихся систематическому разгрому. Как было установлено впоследствии, я попал в специальный «проскрипционный» список лиц, подлежащих убиению и разграблению. Это была месть местных черносотенцев за мою деятельность в союзе полноправия евреев и в союзе союзов. Я наблюдал из безопасного пункта, как громилы, во главе с городовым, ворвались в мою квартиру. Ввиду отсутствия моего и моей семьи, своевременно скрывшейся у знакомых, дело ограничилось уничтожением и расхищением имущества. Сравнительно благополучно закончилось также преследование меня за участие в союзе адвокатов. Я был привлечен по 126-й статье Уголовного уложения, но засим дело было прекращено.

Гомель, Смела, Кролевец, Киев, Нежин и т. д… Сколько времени и труда, сколько душевных сил было затрачено на защиту еврейской чести в этих процессах… И сколь явственно вырисовалась на этих процессах преступная рука Плеве, его сподвижников и последователей, непосредственных устроителей погромов…

Зато крепка была вера в то, что с ниспровержением царского абсолютизма погромы станут невозможными… Никто из нас, специально занимавшихся исследованием погромов того времени, и не подозревал, как глубоко проник в народный организм яд насаждаемого правительством антисеми-

тизма и погромной агитации.

Но было, с другой стороны, ясно, что предстоит еще тяжелая, продолжительная борьба со старым российским режимом.

Еврейская народная масса, изверившись в близости наступления лучших дней, стала усиленно эмигрировать в Америку. Еврейская молодежь хлынула в ряды сионистской организации, в ряды Бунда и других образовавшихся в то время еврейских национальных партий. Вообще, после кишиневского погрома начинается новая полоса истории в жизни еврейского народа.

Сионистская организация объявила себя на Гельсингфорсском съезде политической партией. Это была роковая ошибка, которая привела к полной неразберихе и путанице в области примитивных понятий о политических партиях. Правда, засим выделилась специальная партия пуйоль-сионистов (то есть сионистов-соцдемократов). Но все же в рядах сионистской партии оставались самые разнообразные элементы с самыми противоположными воззрениями по основным политическим, социальным и экономическим вопросам.

Между тем стремление еврейского народа к образованию своего национально-территориального центра, своего автономного государства стало настолько могучим, что оно вообще не могло уже уложиться в рамки политической *партии*. Это уже было *народное движение*, и его следовало облечь в

форму *беспартийной* организации или союза.

Нарождение ряда еврейских социалистических партий способствовало развитию социалистического мировоззрения среди еврейского пролетариата, который легче и доверчивее воспринимал основы социализма на разговорно-еврейском языке. Параллельно с этим шел и рост национального самосознания среди еврейских рабочих. Но самый факт отдельного существования *еврейских политических партий* (как и украинских, литовских и т. д.) создавал политическое средостение между народами, населявшими одно государство, приводил, вместо политического *объединения*, к полному *разобщению*.

Среди сознательного еврейства лишь незначительное меньшинство не было захвачено этим бурным потоком, уносившим, отрывавшим еврейство от общей, непосредственной, совместной политической жизни с остальными народами в рядах общегосударственных политических партий.

С другой стороны, в рядах самого еврейства шла усиленная дифференциация. Модное учение Бауэра и Шпрингера о сейме и национально-персональной автономии дало также основание для образования отдельной еврейской политической партии. И хотя впоследствии и произошло слияние еврейских партий сионистов-социалистов и «еврейских социалистов» (или так называемых сеймовцев), все же в результате получился разброд и кружковщина.

Основоположники Бунда видели в разговорно-еврейском

языке *средство* для увеличения кадров всемирного организованного пролетариата. Я же, например, видел в русском языке *средство* для борьбы и защиты прав моего родного народа пред правительственными органами, пред судом, в печати и для *общения* моего народа с *большинством* населения, среди которого он жил. Мне казалось, что идеал сожительства разных народов в одном государстве являет собою Швейцария, что политические партии должны быть построены по признаку территориально-государственному.

Для осуществления же чисто национальных заданий каждой отдельной народности мне представлялось более правильным и целесообразным объединение в виде *союзов* и *организаций*, а не политических партий. По вопросу, например, о преподавании древнего или разговорно-еврейского языка, как предметного, в школах, вовсе не было обязательно расхождение между евреем-пролетарием и буржуем. И те и другие всегда были в числе сторонников и того и другого течения по этому вопросу.

Вместе с сим все больше крепло сознание, что самая широкая персонально-национальная автономия является лишь слабым *суррогатом* здорового территориального фундамента. И я пришел к территориализму, но я пришел к нему не от сионизма, как его родоначальники Зангвилль, Мандельштам и др., а от реального факта массовой еврейской эмиграции, устремившейся в Америку после кишиневского погрома. Факт «великого переселения еврейского народа» был

налицо, ежегодно покидало Россию в среднем до ста тысяч евреев!

Оставалось приискать *незаселенную* территорию и направить туда хотя бы часть эмиграционного потока.

Вместе с незабвенным М. Е. Мандельштамом, Л. А. Левом, А. И. Липецом и Л. Г. Папериным я был в числе учредителей Еврейской территориалистской организации, в которой беспрерывно состою со дня ее учреждения и по сей день. Созданное трудами Д. Л. Иохельмана Еврейское эмиграционное общество и должно было служить аппаратом для осуществления программы ЕТО. Наряду с практической работой по регулированию эмиграции изучался вопрос о пригодности для заселения ряда территорий – Киренаики, Анголы, Гондураса, Месопотамии и т. д.

Вопрос о Палестине представлялся при тогдашней международной конъюнктуре малореальным. Но уже в ноябре 1918 года конференция ЕТО в Киеве, ввиду изменившихся коренным образом условий, уполномочила Центральный комитет войти в соглашение с сионистской организацией о координировании действий и совместной работе по заселению Палестины.

В предвидении, однако, того непреложного факта, что эмиграция в Палестину не может быть при самых благоприятных условиях *массовою*, ЕТО решила продолжать свою главную практическую работу в области регулирования эмиграции в Америку.

Последние события в Палестине снова вызывают много пессимистических дум и опасений. И если этот пессимизм оправдается, то ЕТО придется возобновить изыскания для создания еврейского территориально-автономного центра в малонаселенных частях Северной или Южной Америки.

Глава 2. Выборы в I Государственную думу. Украинское крестьянство. И. Л. Шраг. Начало реакции. «Киевские отклики»

На выборах в I Государственную думу я имел широкую возможность ознакомиться вплотную с политическими настроениями крестьянства Киевской и Черниговской губерний. И хотя выборы по губерниям были двустепенные и куриальные, но уже в губернском избирательном собрании все три курии (крестьянская, городская и помещичья) находились в непосредственном общении друг с другом.

Само собой разумеется, что вопрос о земле стоял у крестьян на первом плане. Ввиду бойкота I Государственной думы со стороны большинства социалистических партий главное влияние на выборах естественно выпало на долю Партии народной свободы. Однако уже и тогда крестьяне явно тяготели к нарождавшейся в те дни «трудовой группе». В результате почти во всей России выборы по губерниям прошли на основе блока партии кадетов с городской и крестьянской куриями и с тем меньшинством из помещичьих курий, которое стояло близко к Конституционно-демократической партии.

В тех же губерниях, где городская курия состояла преиму-

щественно из евреев (юго-западные и северо-западные губернии), это сочетание начала партийного с началом куриальным было пополнено еще и блоком с Союзом полноправия евреев путем предоставления пропорционального количества мест кандидатам от Союза полноправия.

В Черниговской губернии число евреев-выборщиков было весьма незначительное[2], а потому не было места, по масштабу пропорциональности, для еврейского кандидата. Однако случилось нечто весьма неожиданное. На предвыборном собрании, после произнесения речей, была произведена пробная тайная баллотировка по списку блока. Из 10 намеченных кандидатов (5 к.-д. и 5 от крестьян и трудовой группы) необходимое большинство получили 9 кандидатов, а на место одного из забаллотированных кандидатов к.-д. я оказался избранным значительным количеством голосов. Отчасти это объяснялось, по-видимому, тем, что моя речь имела большой успех у крестьянской курии. Крестьяне, как я узнал впоследствии, и выдвинули мою кандидатуру. Но этот факт был весьма показателен, как выявление полного доверия со стороны крестьян к еврею и полной готовности вручить ему защиту своих кровных интересов.

Я предпочел, однако, снять с очереди свою столь случайную кандидатуру и отказался баллотироваться по Черниговской губернии, так как был в то же время намечен одним из двух кандидатов Союза полноправия евреев по Киевской гу-

---

[2] 5 евреев на общее количество свыше 100 выборщиков.

бернии.

В Киевском губернском избирательном собрании моя кандидатура снова оказалась наиболее приемлемой для крестьянской курии. Наибольшее количество голосов на предвыборном собрании из 15 кандидатов блока получили В. М. Чеховский (будущий председатель Совета министров в период украинской Директории) и я.

Однако киевские административные власти не дремали; наши избирательные цензы по Черкасскому уезду были «разъяснены», – и мы оба не были допущены к окончательной баллотировке. По поводу этого «разъяснения» был послан, по инициативе крестьянской курии, протест губернского избирательного собрания председателю Совета министров, переданный затем в Государственную думу.

Государственная дума не успела дойти до рассмотрения этого протеста, так как была завалена делами большей государственной важности… Но все же такого рода протест сохраняет всю свою силу и значение, как показатель отношения в то время украинского крестьянства к еврейству и как символ стремлений крестьянства к дружескому сосуществованию с еврейским народом.

Со времени выборов в I Государственную думу у меня завязались близкие дружеские отношения с покойным Ильей Людвиговичем Шрагом, одним из лидеров украинского национального движения, председателем фракции автономистов-федералистов в I Государственной думе. Вся Чернигов-

ская губерния знала и горячо любила Шрага, крестьянство иначе не называло его, как «батько Шраг».

Было много оснований для такой популярности. Прямой, правдивый, он не знал компромиссов в отстаивании прав всех угнетаемых. Талантливый оратор, опытный адвокат, он был несменяем на самых ответственных ролях в земской и городской работе, без него не проходило в Черниговской губернии ни одно значительное судебное дело. Но главное обаяние заключалось в его прекраснодушном характере, в его повседневных отношениях к окружающим людям. Строгий к самому себе, он прощал другим все их мелкожитейские прегрешения и бичевал лишь тех, кто злоупотреблял своей властью и могуществом во вред народу. Никогда нельзя было услышать из его уст желчных замечаний по чьему-либо адресу, ему вполне чуждо было чувство зависти. Дом же Шрагов славился гостеприимством самого хозяина, его жены и всей его семьи. В этом доме бывали все – от самых близких друзей до самых ярых политических противников Шрага. В еврейских кругах Черниговской губернии имя Шрага было окружено ореолом праведника и друга еврейского народа.

И действительно, это был праведник и истинный друг всех угнетенных.

Из крестьян-выборщиков Черниговской губернии больше всех остался в памяти Высовень, самоучка, впоследствии сельский учитель. Высовень возвратился незадолго до выборов из административной ссылки. Казалось, что он сгорбил-

ся от тяжести общенародного горя и личных переживаний в Сибири. Впоследствии мне привелось защищать его по делу о хранении нелегальной литературы. Он был приговорен к краткосрочному содержанию в крепости. Вскоре после этого я получил известие об его смерти. Но еще и сейчас я вижу пред собою его умные, печальные глаза, его сгорбленную фигуру…

Особенно памятен мне этот человек его сочувствием, которое он проявлял в отношении страданий бесправного еврейского народа.

В Киеве на выборах я познакомился с бароном Ф. Р. Штейнгелем. Его первое выступление в Государственной думе было всецело посвящено еврейскому вопросу. Вообще, во всей своей деятельности Штейнгель всегда проявлял особенный интерес и теплоту к судьбам еврейского народа. Впоследствии, при гетмане Скоропадском, он был назначен украинским послом в Германии, на каковом посту и оставался до переворота, то есть до перехода власти к Директории.

Из ярких, интересных фигур выборщиков первого призыва следует упомянуть еще В. М. Чеховского и священника Крамаренко, видных деятелей украинского движения в Черкасском уезде.

В иных условиях проходили выборы во II Государственную думу. Правительство и правые элементы старались воздействовать на крестьянскую курию. В Киеве не было допущено предвыборное совместное собрание курий. Все кре-

стьяне-выборщики были приглашены в Лавру, где велась среди них черносотенная и ярко антисемитская пропаганда. Часть крестьян, как тогда передавали, принесла присягу, что пойдет с помещиками и положит черные шары кандидатам-евреям. Однако они выполнили лишь вторую половину этого обещания, данного под присягою. Забаллотированными оказались и все кандидаты правых групп, и оба кандидата от группы еврейских выборщиков – Л. Е. Моцкин и я[3]. На сей раз оказался «разъясненным» мой ценз по Черниговской губернии, и я ограничился участием лишь в киевских выборах.

Ничего яркого не осталось в памяти и от выборов в III Государственную думу. Закон 3 июня предопределял исход выборов, отдавая большинство в руки помещичьей курии. Кратковременное существование первых двух дум и отсутствие прямых реальных результатов в виде коренных реформ привело к упадку интереса населения в отношении выборов[4].

Надвигалась злая столыпинская реакция. Вместо долгожданных реформ сыпались репрессии, возбуждались судебно-политические процессы. Снова начались систематические преследования еврейства, гонения в области правожи-

---

[3] Из общего числа около 215 голосов мы получили около ста шаров.

[4] Я встретил одного лишь человека, который находил, что выборы в Государственную думу происходят очень редко. Это был хозяин гостиницы в городе Козельце, который оправдывал баснословно высокие во время выборов цены за комнаты тем, что выборы в Государственную думу бывают «всего 2 раза в год».

тельства и т. д.

По политическим убеждениям я примыкал со дня созыва I Государственной думы к тому течению, которое отражали программы близких и родственных по духу трудовой группы и образовавшейся несколько позже Народно-социалистической партии. Но я не входил в то время официально ни в трудовую группу, ни в Народно-социалистическую партию за фактическим отсутствием в Киеве в те годы отделов названных группы и партии. Политическим центром, где собирались мои близкие единомышленники и друзья, была газета «Киевские отклики». Среди них были покойные И. В. Лучницкий, В. В. Водовозов и М. Б. Ратнер, известные украинские деятели Н. П. Василенко и А. Ф. Саликовский. В состав сотрудников входили также С. Г. Лозинский, Д. П. Рузский, М. С. Миль руд, М. С. Балабанов (редактировавший одно время газету), Н. В. Калишевич, М. Г. Гехтер, М. И. Эйщискин (впоследствии редактор «Киевской мысли»), Н. С. Миркин и др. Жили мы в те времена дружно, тесной семьей, и не предвидели, что пути многих из нас потом разойдутся… Иногда мы совершали прогулки по Днепру, чаще всего в Канев, на могилу Шевченко. Это общение обогащало мои познания, дотоле весьма смутные, в украинском вопросе и создавало необходимую атмосферу взаимной близости и доверия между представителями двух народностей, связанных общим гражданством, общей государственной жизнью.

Был такой кратковременный период, когда я искал обще-

ния с партией к.-д., ввиду близости моих взглядов по некоторым вопросам с левым крылом киевского отдела этой партии. Здесь я встречался с Д. Н. Григоровичем-Барским, с которым потом пришлось столь много поработать совместно в деле Бейлиса, с покойными Вязловым, Шольпом и другими. Но я недолго пробыл в рядах «примыкающих» к кадетам, так как было у меня слишком много расхождений не только с программой, но и с тем духом книжности и оторванности от жизни, который там веял.

Глава 3. Дубенский комитет обороны евреев от погромов. Апогей столыпинской реакции. Дело Бейлиса

Мне суждено было в период 1904–1908 годов специализироваться больше всего на делах о погромах, то в качестве поверенного гражданских истцов-евреев, то в качестве защитника евреев – участников самообороны, то, наконец, однажды, в качестве свидетеля и потерпевшего (дело о киевском погроме). Среди множества этих процессов заслуживает особенного внимания дело о лубенском комитете обороны еврейского населения от погромов, слушавшееся в киевском военно-окружном суде в 1908 году.

Лубны оказались одним из немногих городов Полтавщины, где не было погрома. Объясняется это исключительно тем, что Лубенская городская дума, во главе которой стоял тогда городской голова Г. К. Взятков, заблаговременно учредила названный комитет обороны. Необходимые меры были приняты, были созданы отряды, учреждены дежурства и т. д. Лубенское еврейство так и не изведало ужасов погрома.

Председателем этого комитета был Взятков, в состав его вошли также братья Шеметы, основатели украинской пар-

тии хлеборобов, А. Н. Левицкий (впоследствии премьер-министр украинского правительства каменецкого и тарновского периода), податной инспектор Женжурист, Супруненко, студент Лобасов и др. Из евреев в комитете участвовал Я. О. Каганов, владелец мельницы в Лубнах. Имен остальных участников комитета я сейчас не припоминаю.

Каким образом прокурорский надзор мог усмотреть в таком *приготовлении* к защите еврейского населения на случай погрома признаки составления сообщества для ниспровержения существующего (вернее – существовавшего тогда) строя (ст. 102 Угол. улож.) – это осталось непостижимым даже для нас, специалистов-адвокатов.

Я защищал в этом процессе Взяткова, Лобасова и Каганова. Слушание дела продолжалось целый месяц, так как к нему было самым нелепым образом пристегнуто другое дело о членах лубенских социалистических партий. Ввиду явной беспочвенности обвинения почти все члены «комитета обороны» были оправданы при первом же слушании дела. Те же из них, которые в качестве инициаторов комитета были приговорены к незначительным наказаниям (Взятков, Шемет и Левицкий), обжаловали приговор в кассационном порядке и были также оправданы при втором слушании дела, которое снова потребовало двухнедельного разбирательства.

За все это время мы, защитники, успели близко изучить наших подсудимых, сродниться с ними. Для нас они были близки и дороги своим гражданским порывом, который спас

Лубны от разгрома. И если бы во всех городах своевременно образовались такие же комитеты, быть может, и полиции не удалось бы организовать погромы.

Сумерки реакции все больше и больше сгущались. Закончились большие политические процессы, оставшиеся в виде наследия от первой русской революции. Боевой тон политических защитников, еще раз гордо прозвучавший в деле Совета студенческих представителей Киевского университета, стал постепенно сменяться приспособляемостью к составу суда. Как раз в это время стали возбуждаться позорные преследования евреев, именующих себя не так, как они записаны в метрических свидетельствах (при полной безнаказанности для христианина Петра, Павла или Владимира именовать себя Пьером, Полем и Вольдемаром), о подложных аттестатах и свидетельствах на звания, дающие право жительства и т. д. Тянулась скучная, серая канитель эпохи III Государственной думы.

На этом периоде безвременья не приходится долго останавливаться. Он не дает ничего яркого вплоть до возникновения мировой войны.

Но есть зато одно весьма мрачное, зловещее явление, которое представляется наиболее постыдным пятном для истории российской государственности и правосудия этой эпохи. С этим явлением я связан плотью и кровью, оно целиком приковало меня к себе на три года, потребовало напряжения всех моих сил и расшатало мое на редкость крепкое от при-

роды здоровье. Речь идет о деле Бейлиса.

Еще ранней весной 1911 года в Киеве носились слухи о загадочном убийстве мальчика Андрюши Ющинского. Мелькнуло в газетах сообщение, что местные черносотенцы, члены «Двуглавого орла», усматривают в этом происшествии признаки ритуального убийства. Засим были заподозрены в качестве убийц мать и отчим Ющинского, которые и были арестованы полицией. И хотя полиция попала в этом случае на ложный след, но факт тот, что на некоторое время само дело это было совершенно забыто вместе с нелепыми слухами об его ритуально-еврейском характере.

Лето 1911 года в Киеве прошло в лихорадочных приготовлениях к торжественной встрече царя, царского семейства, Столыпина и всех министров по случаю предстоявшего открытия памятника Александру II. И никто и не подозревал в это время, какая адская работа велась тогда в черносотенном подполье.

Не успело состояться торжество открытия памятника, как раздался в киевском городском театре выстрел Богрова. Через несколько дней Столыпина не стало.

Вскоре после этих дней (август 1911 года) ко мне явилась в мои приемные часы жена Менделя Бейлиса и сообщила мне о том, что он арестован по обвинению в убийстве Ющинского. Она просила меня принять на себя защиту ее мужа.

Дело Бейлиса слишком свежо еще в памяти современников. Кроме того, имеется трехтомный стенографический су-

дебный отчет, в котором содержится, с некоторыми незначительными и неизбежными ошибками, довольно полная картина того, как развернулось это дело на судебном следствии и в речах прокурора, гражданских истцов и защитников.

Но многое, очень многое так и осталось неизвестным никому, за исключением тех, кто очень близко стоял к делу. Параллельно с официальным предварительным следствием велось частное расследование, для обнаружения действительных убийц Ющинского. Об этом расследовании давно пора дать подробный отчет, написать обо всем, что сохранилось в документах, записях и памяти. У меня был собран для осуществления этого задания обширнейший материал, который, к несчастью, я вынужден был оставить в моей петербургской квартире, когда приехал весной 1918 года за моей семьей из Киева и когда нам пришлось бросить все на произвол судьбы и пробираться разными кружными путями в Киев. Так и по сей день мне неизвестно, какая участь постигла мою библиотеку и архив, заключавшие в себе все наиболее для меня ценное.

Уже за границей, в 1919 году, я узнал, что большевики расстреляли в Киеве Веру Чеберяк. С нею погребена, к сожалению, возможность полного восстановления картины убийства Ющинского во всех ее подробностях.

Частное расследование установило бесспорную причастность Чеберяк к убийству Ющинского. Но зато так и не удалось установить тех нитей, которые протягиваются от это-

го кошмарного дела к подполью «Двуглавого орла» и других черносотенных местных и центральной организаций того времени.

«Qui s'excuse, s'accuse»[5], гласит французская поговорка. Еврейство ограничивалось во всех ритуальных процессах, предшествовавших делу Бейлиса, защитой подсудимых, опровержением улик, представлением доказательств о том, что еврейская религия не знает и не допускает изуверских сект, совершающих ритуальные убийства. У темных, невежественных масс, среди которых велась соответствующая агитация, даже при оправдательном приговоре оставался вопрос и сомнения о том, «кто же в таком случае убийца». И даже оправданный подсудимый, как это называлось в свое время, «оставлялся в подозрении».

Обывательская толща отвергает так называемый метод доказывания фактов путем исключения. «Подай сюда убийцу» – таков крик улицы. Вот почему с первого же дня моего участия в деле Бейлиса я твердо решил оставить на сей раз обычный, трафаретный путь защиты и искать убийц. На обвинение надо было ответить не обороною, а наступлением – надо было найти действительных виновников.

Избранный мною путь оказался весьма тернистым. Как известно, российские законы не допускали участия защиты в предварительном следствии. Вообще, приходилось идти против течения, а в таких случаях не легко находишь по-

---

[5] Кто оправдывается, тот сам себя обвиняет.

путчиков… Часто, в особенно опасных случаях, я оставался почти совершенно одиноким. Но зато я всегда был в согласии с моею совестью. Интересы еврейства были мне неизмеримо дороже, чем все профессиональные условности. Меньше всего я чувствовал себя в этом деле *«адвокатом»*. Как и в прошлой моей деятельности, я стремился лишь выполнить то, чего требовал долг еврея и *гражданина*.

В связи с моим участием в деле Бейлиса и возбуждением против меня всякого рода преследований я стал получать анонимные угрожающие письма. К концу 1913 года я вынужден был покинуть Киев и переехал в Петербург. Последовавшее засим в дисциплинарном порядке исключение меня из адвокатского сословия выбило меня из обычной колеи, личные же дела сложились таким образом, что я прожил в Петербурге вплоть до начала 1918 года, лишь периодически наезжая в Киев.

В мае 1917 года, после переворота, соединенное присутствие 1-го и кассационных департаментов Правительствующего Сената рассмотрело, в порядке надзора, мое дисциплинарное дело. Сенат признал определение Киевской судебной палаты не только неправильным, но и построенным на извращениях фактов. За отсутствием в тех деяниях, которые мне инкриминировались, какого-либо профессионального нарушения, Сенат прекратил дело. Мои права были восстановлены. Все мои действия по расследованию убийства Ющинского были признаны Сенатом вполне правильными, законо-

мерными и естественно вытекающими из моего стремления «снять клевету с родного народа». Параллельно с сим Сенат затребовал от судившего меня состава Киевской судебной палаты объяснения о допущенных ею по делу извращениях фактов и неправосудном в отношении меня определении. Предстоял на сей раз суд над теми, кто судил и осудил меня. Но суд этот не состоялся, так как все было сметено вихрем разыгравшихся после этого событий. Также не суждено было мне возвратиться к адвокатской деятельности.

С делом Бейлиса у меня связано одно особенно дорогое для меня воспоминание. Это было в первые месяцы войны. Я ехал из Киева в Петербург и разговорился в коридоре вагона со стариком евреем. Старик все время поглядывал в купе, где его место было занято развалившейся во всю длину дивана дамою. У старика разболелись от стояния ноги – и он обратился наконец к бесцеремонной даме, прося ее в очень вежливой форме освободить его место. На это обращение последовала весьма резкая и грубая реплика дамы с ссылкой на то, что ее муж – офицер и сражается за родину, а потому она имеет право на путешествие с удобствами. Когда же старик еврей попытался представить свои возражения и отстоять свое право на место, дама истерически воскликнула: «Ах ты, жид, ах ты, Бейлис»…

Старик спокойно ответил на это: «А вы, мадам, Чеберячка».

Этот ответ старика еврея свидетельствует о том, что част-

ное расследование по делу Ющинского не прошло бесследно. У еврейства был на сей раз простой, прямой и определенный ответ на гнусное обвинение.

Глава 4. Начало второй революции. Июньские съезды. Федерация и национальный вопрос. Роковое наступление

Еще за год до революции 1917 года в Петербурге организовался кружок убежденных сторонников федерации, как необходимой формы государственного устройства России. Из киевлян в этом кружке участвовали покойный И. В. Лучицкий, М. А. Славинский (ныне украинский посол в Чехословакии), Д. П. Рузский и я. Засим у нас возникло решение основать всероссийскую радикально-демократическую партию с определенным лозунгом о необходимости переустройства России на федеративных началах. К нам присоединились К. А. Мациевич (ныне украинский посол в Бухаресте), В. Э. Брунст (товарищ министра земледелия в гетманский период) и др. Но когда уже был составлен проект программы, у меня обнаружились расхождения с большинством кружка, в первую очередь по вопросам внешней политики. И я вышел из комитета, организующего радикально-демократическую партию.

Началась революция. События разворачивались с необычайной быстротой. Меня потянуло на родину, в Киев, куда я

и поехал в мае 1917 года со специальным заданием – попытаться объединить на лозунге федерации тех, кто примыкал в свое время по своим убеждениям к трудовикам и народным социалистам. Мне удалось, при помощи моих друзей и единомышленников, заложить в Киеве фундамент для образования отдела Народно-социалистической партии. Однако для широкого распространения Народно-социалистической партии или трудовой группы ни Киев, ни Украина не предоставляли больших возможностей, ввиду *общегосударственного* характера этих партий и ввиду распространенности в то время на Украине *национальных* украинских, еврейских и польских партий. Помимо того, программа Народно-социалистической партии была недостаточно «левой» для возбужденного состояния умов в тот период времени. Наш первый киевский митинг (май 1917 года) вышел поэтому достаточно бесцветным, ввиду спокойного и делового тона докладов. Собравшаяся публика, особенно молодежь, явно скучала, слушая наши добросовестные разъяснения о том, что заключают в себе понятия о федерации и автономии. Одно же упоминание при изложении земельной программы о необходимости некоторого вознаграждения помещиков прожиточным минимумом, хотя бы на короткое время, вызывало ропот и негодование.

Меня лично такой результат митинга смущал меньше, чем моих товарищей. Не впервые приходилось идти против течения, в незначительном меньшинстве, и не в последний раз…

По возвращении в Петербург я был привлечен организационным комитетом к работе по созыву всероссийского съезда Народно-социалистической партии. К этому времени относятся мои частые встречи с В. А. Мякотиным и А. В. Пешехоновым, светлые образы которых никогда не потускнеют в моей памяти, несмотря на все последовавшие позже и могущие еще последовать расхождения с ними во взглядах и тактике.

Комитет возложил на меня выступить на съезде с докладом о государственном устройстве России на федеративных началах. Параллельный доклад о национальном вопросе был поручен А. Саликовскому. Тезисы моего доклада были утверждены съездом и положены в основание новой программы партии. На основе этих же тезисов тогда же состоялось и слияние Народно-социалистической партии с трудовой группою в одну «Трудовую народно-социалистическую партию».

История этого слияния и весь ход предварительных переговоров между съездами партий заключает в себе очень много весьма поучительного для оценки того момента и выявляет некоторые характерные особенности интеллигенции, воспитавшейся в специфических условиях российской действительности, с ее теоретически-идейным максимализмом и полным игнорированием условий реальной жизни.

Не надо забывать, что в июне 1917 года Германия и Австро-Венгрия представлялись еще весьма мощными военными

государствами. Никто не мог еще тогда с точностью предвидеть, в какую сторону нарушится в результате войны «равновесие» великих европейских держав и какие изменения постигнут старую карту Европы.

В свою очередь, и Российское государство еще представляло собою в то время нечто целое, его развал и распадение, ставшие неизбежными после июньского наступления, еще не являлись тогда предопределенными. При таких условиях было ясно, что отделение от России той или иной значительной части государственного целого может обеспечить полную победу центральных держав и аннексию ими как отделившейся части, так и других частей, по их выбору.

Невзирая на такое положение вещей, докладчики на съезде трудовиков (Шаскольский, Булат) и поддерживавшие их тезисы Водовозов и др. настаивали на признании за всеми национальностями, населяющими Российское государство, права на самоопределение *вплоть до отделения от России* (точнее – от Великороссии). Значительное большинство съезда трудовиков склонялось к принятию такой формулы.

Приблизительно в то же время собрался в Москве всероссийский съезд партии социалистов-революционеров, где тождественная формула была принята подавляющим большинством. Наконец немногими днями позже съезд Советов принял точно такую же резолюцию и предъявил к Временному правительству требование, чтобы оно официально провозгласило право всех народов на самоопределение *вплоть*

до отделения…

Наоборот, народные социалисты, в полном согласии с моим докладом и с докладом А. Ф. Саликовского, единодушно отвергали такого рода максимализм в разрешении национального вопроса. Столь же единодушно были приняты тезисы о переустройстве Российского государства на федеративных началах. К сожалению, у меня не имеется под рукою ни протокола съезда, ни резолюций. Но я отчетливо помню, что в мотивах изготовленной мною и принятой съездом резолюции было указано на параллельную необходимость децентрализации управления и самого широкого удовлетворения стремлений народов к национальной автономии.

Съезды трудовой группы и Народно-социалистической партии заседали в соседних домах и одновременно. С самого начала это было так устроено для возможности контакта и переговоров между съездами, с целью намечавшегося слияния обеих партий. Земельная программа и права национальностей являлись кардинальными вопросами. По первому из этих вопросов соглашение между съездами было достигнуто без особенных затруднений. Зато по вопросу о государственном устройстве России в связи с правами национальностей пришлось преодолеть немало трений и препятствий. Трудовики твердо стояли на своем и требовали от нас принятия формулы о правах народов на полное отделение…

Наконец решено было избрать согласительную комиссию из представителей обоих съездов в лице докладчиков и спе-

циально избранных лиц. Особенную неуступчивость, помнится, проявил в комиссии В. В. Водовозов. На все указания Мякотина о том, что формулой трудовиков немедленно же воспользуется Финляндия, Водовозов ответил столь же решительно, как и неубедительно: «Финский народ этого не сделает, ибо финляндцы *не так глупы и не так подлы* (sic!), чтобы отделиться от России».

И возникал сам собою вопрос, для чего же Водовозов и его единомышленники так ломают копья за свою формулу, раз они уверены, что даже финляндцы ею не воспользуются.

Все же настроение у народных социалистов было более единодушное в этом спорном вопросе, нежели у съезда трудовиков. Последние пошли наконец на уступки. Состоялось компромиссное соглашение о том, что каждой народности должно быть предоставлено право созыва своего отдельного национального учредительного собрания, но что окончательное решение вопроса о государственном устройстве России все же будет принадлежать Всероссийскому учредительному собранию, как второй и последней инстанции.

И не является ли знаменательным, что будущие «сепаратисты», Саликовский и я, были в то время противниками формулы о праве на отделение, тогда как российские эсеры, большинство трудовиков и съезды Советов отстаивали эту формулу?

Но когда жизнь привела к тому, что народности стали осуществлять свое право на отделение, ибо Россия, как госу-

дарство, фактически развалилась, те же российские социалисты-революционеры и трудовики, и те самые элементы, которые заседали в съезде Советов, не только отказались от своей точки зрения, но повели самую решительную борьбу с этими стремлениями национальностей к отмежеванию себя от общего хаоса и анархии, водворению хотя бы в своих пределах государственного порядка и созданию своей самостоятельной государственной жизни.

Так разошлась сущая подоплека, подлинная натура этих людей с теми громкими обещаниями и лозунгами, которые они вполне искренно в свое время провозгласили. И в этом расхождении *сущего* с теориями *должного* есть много интересного для того, кто займется впоследствии обстоятельным изучением психологии российской интеллигенции того времени.

Слияние партий состоялось. В те же июньские дни состоялось решение Временного правительства начать наступление. Помню как сегодня, с каким энтузиазмом встретили на нашем съезде это решение. У меня, наоборот, было мрачное предчувствие, граничащее с уверенностью, что наступление это окажется роковым для России и ввергнет ее в полосу бесконечных бедствий и полного развала. Однако выступить на съезде с каким-либо соответствующим предостерегающим заявлением по этому вопросу я не счел для себя возможным. Во-первых, для меня было очевидно, что мой одинокий слабый голос потонет в общем воинственном на-

строении съезда, во-вторых, ведь решение правительства все равно уже было фактом свершившимся.

Наступление привело Россию к Тарнополю, Риге и торжеству большевизма. С каждым днем росла анархия и углублялся развал России. Все надежды сконцентрировались на Учредительном собрании, и в подготовительных к нему работах прошли все лето и осень 1917 года.

Глава 5. Выборы в Учредительное собрание. Рост украинского национального самосознания. Разгон Учредительного собрания

У комиссии по выборам в Учредительное собрание не было, конечно, никаких сомнений в том, что выборы должны быть всеобщими, равными, прямыми и тайными. Главный спор, наибольшие сомнения вызывал вопрос о пропорциональной системе выборов.

Насколько мне не изменяет память, среди меньшинства, высказавшегося против пропорциональных выборов, были Мякотин, Водовозов и Брамсон, все три – представители Трудовой народно-социалистической партии. И как это часто бывает в эпоху революционного подъема, правда была на стороне меньшинства! Зато решение большинства удовлетворило все те бесчисленные небольшие группы и подразделения, на которые разгородилась в то время российская общественность. Каждые 50 или 100 избирателей (точной цифры не помню) могли выставить свой собственный список.

Избирательными округами являлись большие города и целые губернии.

В украинских губерниях с их пестрым разноплеменным

населением такого рода система выборов, по моим наблюдениям, привела к весьма плачевным результатам. Можно себе представить, в каком недоумении были крестьяне, и в особенности деревенские бабы, когда в один прекрасный день им было вручено от 10 до 15 списков кандидатов… В каждом списке стояло от 10 до 20 (смотря по губернии) имен, в своем подавляющем большинстве деревенским избирателям совершенно неизвестных.

Но изумление деревни достигало наибольшего предела, когда они доходили до польского списка (на польском языке) и до нескольких еврейских списков (на еврейском языке). Крестьяне никак не могли понять, почему партия «Пойалей-Цион» или Еврейский национальный блок рекомендует им голосовать за своих кандидатов…

Хозяевами выборов в деревне оказались, конечно, социалисты-революционеры. В городах с преобладающим еврейским населением господами положения были сионисты. В первом случае сказалось тяготение крестьян к максимализму в решении земельного вопроса. Кроме того, партия эсеров имела свою справедливо заслуженную старую репутацию в деревне и пользовалась ее огромным доверием.

Во втором случае сказался национальный максимализм настроений еврейства, которое желало иметь «своих собственных депутатов», не связанных ни с какой общегосударственной партией.

В октябре и ноябре я предпринял по поручению Цен-

трального комитета Трудовой народно-социалистической партии объезд Черниговской губернии, по которой партия выставила мою кандидатуру. Несмотря на расстройство железнодорожного сообщения, мне удалось побывать в 14 (из общего числа 15) уездах Черниговской губернии. Ездил я на паровозах, тендерах, в коридорах вагонов, в теплушках. Мои выступления в городах и деревнях, лекции и беседы в синагогах, театрах и на площадях со всеми слоями и классами населения дали мне большой материал для суждения о стремлениях и настроениях населения этой губернии.

Солдаты, возвращавшиеся в то время самовольно в огромном количестве с фронта, уже называли себя большевиками. Когда я спрашивал их, что такое большевизм, всегда получал один и тот же стереотипный ответ: «Это значит больше не воевать». Керенского все солдаты поносили самыми бранными словами, причем утверждали, что он «и все 12 министров» – *жиды*…

От Ленина и Троцкого они были в восторге. Когда я пытался убедить их в том, что «все 12 министров» и Керенский – не евреи, мне не верили, а иногда говорили, что я сам – жид, а потому за жидов и заступаюсь. Когда же я однажды попробовал противопоставить Троцкого Керенскому и указал, что как раз Троцкий – лицо еврейского происхождения, то ответ последовал такой: «Ну, что же, может, Троцкий и еврей, да он за мир, значит, наш».

Ко всему этому мои собеседники иногда добавляли: «А

если Ленин и Троцкий нам изменят и погонят нас воевать, то мы и их повесим»…

Все же это было еще то время, когда с большевиками можно было даже вступать в споры и пререкания. На моих лекциях я успевал даже, путем угроз прекращением лекции, добиваться тишины; солдаты переставали лузкать семечки и переговариваться между собою.

Крестьяне охотно являлись на мои лекции. В Ново-Быкове собрался на большой площади митинг в количестве не менее трех тысяч человек, в подавляющем большинстве крестьян. Как раз перед митингом было освящение нового здания школы, на котором я, по просьбе священника, произнес речь.

На площади, где был назначен митинг, для меня был приготовлен вместо кафедры стол, с которого я и говорил. Пока я разъяснял значение таких чуждых деревне понятий, как федерация, автономия и т. д., крестьяне явно скучали. Но стоило мне только заговорить о земельном вопросе, как крестьяне оживились. Вначале, пока я излагал общую часть земельной программы моей партии, раздавались возгласы одобрения и полного удовлетворения. Но когда дошло дело до пункта о вознаграждении помещиков в минимальных пределах (по формуле Пешехонова), послышался ропот неудовольствия. То же самое повторялось при всех дальнейших моих выступлениях перед крестьянством.

В синагогах меня всегда очень тепло встречали. Но это

объяснялось лишь тем, что еврейское население знало меня по моим выступлениям в погромных процессах, деле Бейлиса и т. д.

Каждый подросток, каждый гимназист легко мог сразить все мои аргументы одним указанием на то, что моя кандидатура фигурирует не в еврейском национальном списке, а в списке общероссийской политической партии. Старшее еврейское поколение пыталось поддерживать меня, но оно было бессильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.